Научная статья
УДК 80
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-2-101-5

© Илья Владимирович Кузнецов[1]✉, Наталия Викторовна Максимова[2], 2021

[1]Новосибирский государственный театральный институт,
Новосибирск, Россия,
[1]eliah2001@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9629-4012
[2]Новосибирский институт повышения квалификации и
переподготовки работников образования,
Новосибирск, Россия,
[2]maksimova1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6312-7824

© Ilya V. Kuznetsov[1]✉, Natalia V. Maksimova[2], 2021

[1]Novosibirsk State Theatre Institute,
Novosibirsk, Russia,
[1]eliah2001@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9629-4012
[2]The Novosibirsk Teachers' Professional Re-Training Institute,
Novosibirsk, Russia,
[2]maksimova1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6312-7824

Речевые автономии текста: обретение и утрата маркирования

Аннотация. Целью данной статьи является установление закономерностей утраты и обретения маркеров границ чужой речи в синхронии и диахронии. В работе рассмотрены соответствующие процессы, обусловленные диахронными тенденциями, функциями чужой речи в авторской поэтике, интерпретативным характером значений. Последовательное применение коммуникативной лингвистической концепции получает развитие на основе интегративного подхода с опорой на динамический принцип. Методы коммуникативной лингвистики, диалогического синтаксиса текста позволили выявить периоды утраты и обретения маркеров чужой речи, их функции в синхронии и диахронии, а также показать концептуальную обусловленность отношений «свое – чужое» на примере романа Е. Водолазкина «Лавр».

Ключевые слова: чужая речь, интерпретативные значения, субъектный синкретизм, прагматическая интерпретанта, референциальная интерпретанта, рецептивная интерпретанта.

Speech autonomies of the text: gaining and losing marking

Abstract. The purpose of the article is to identify patterns of losing and gaining markers dealing with boundaries of the speech of others in synchrony and diachrony. The corresponding processes caused by diachronic tendencies, functions of speech of others in the author's poetics, and the interpretative nature of meanings are considered. Consistent application of the communicative linguistic concept is developed on the basis of an integrative approach supported by the dynamic principle. Methods of communicative linguistics, dialogic syntax of the text helped to identify the periods of gaining and losing markers in the speech of others, their function in synchrony and diachrony, show the conceptual dependence relations "own – others" in the novel by E. Vodolazkin "Laurus".

Keywords: speech of others, interpretive meanings, subject syncretism; pragmatic interpretant, referential interpretant, receptive interpretant.

Введение

Один из центральных феноменов диалогического синтаксиса – явление «чужой речи», в коммуникативном плане представляющее собой способы управления речевыми автономиями текста. Понятие «речевая автономия» введено в работах С. Г. Ильенко, посвященных чужой речи и диалогичности, и опирается на такие параметры, как речевая персонализация, стилистико-речевая обособленность и др.[1] Способы управления речевыми автономиями многообразны. Они весьма непросто поддаются стройному описанию, по этой причине существует целый ряд попыток упорядочить данное явление.

Среди лингвистических описаний есть три последовательно возникших концепции, с разных сторон интерпретирующие феномен чужой речи:

1) структурно-семантическая концепция, основой которой являются исследования Г. М. Чумакова[2];

2) функциональная концепция, базирующаяся на представлении о функционально-семантическом поле эвиденциальности[3];

3) коммуникативная концепция, трактующая языковые, речевые и текстовые модели чужой речи в динамическом ключе – в рамках системы коммуникативных стратегий говорящего[4].

Языковой же потенциал явления «чужой речи» описывается с помощью системы интерпретативных значений – динамических образований. При их определении на первое место выходит «принцип относительности». В соответствии с этим принципом функция устанавливается не у той или иной конструкции как таковой, а в отношении ее к другим способам передачи чужой речи и к контексту функционирования. Вместе с тем совершенно разные способы передачи чужой речи могут демонстрировать одно и то же или близкое значение. Если представить себе, что A, B, C, D – это разные способы передачи чужой речи, и если допустить, что в определенных текстовых условиях устанавливается аналогия: A так относится к B, как C к D, – то именно такого рода отношения принадлежат к динамическим, мы называем их интерпретативными значениями[5].

Три названные концепции взаимодополняющи, они одна за другой преодолевают статический способ описания чужой речи, малорелевантный в подходе именно к этому явлению с его разнородностью форм: языковых, текстовых, речевых[6]. Однако

[1] Ильенко С. Г. Стилистические и синтаксические аспекты диалогичности // Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – С. 386–388.

[2] Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. – Киев: Вища школа, 1975. – 220 с.

[3] Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.

[4] Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – Москва: РГГУ, 2005. – 316 с.

[5] Там же. – С. 43–54.

[6] Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – Москва: РГГУ, 2005. – С. 55–95.

признаком объяснительной силы концепции служит ее способность охватывать наиболее широкий слой разнообразных фактов, интерпретировать их с помощью своего понятийного аппарата. Особенно показательны в этом отношении новые факты, появляющиеся в современном процессе речевого, текстового функционирования: необычные, неожиданные, своего рода НЛО. Они оказываются для научной концепции тестом на эвристичность.

Одним из таких неожиданных фактов стало появление в 2012 г. романа Евгения Водолазкина «Лавр», в котором используется подчеркнуто нестандартный способ преподнесения чужого слова. Вместо привычной прямой речи или диалога, оформляющих переключения от одного говорящего к другому, речь персонажей вводится без пунктуационных знаков: кавычек, тире. Приведем развернутый пример:

«Исповедовавшись, Христофор помедлил и заглянул старцу в глаза.
Что ты хочешь прочесть в моих глазах, спросил старец.
То ты и сам, отче, ведаеши.
Скажу тебе лишь, что счет идет не на годы. И даже не на месяцы. Прими эту информацию спокойно, без соплей, как то и подобает истинному христианину.
Христофор кивнул. Он видел, как в другом конце храма утомленный Арсений присел на корточки у столпа. Из то и дело открывавшихся дверей врывался ветер, и над головой мальчика раскачивалось паникадило»[1].

Диалог происходит как бы внутри одного большого сознания, объемлющего происходящее и каждый его голос. В литературоведческом аспекте это сознание видится как Автор, «носитель напряженно-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения»[2]. Тем более что и голос повествователя в цитируемом фрагменте присутствует, хотя и сильно окрашенный интонациями персонажей.

Возникают вопросы: почему так? Это небрежность (*«поэты молодые не ставят запятые»*, как писал Булат Окуджава) или намеренность? Это явление только пунктуации или оно затрагивает также и структурный, функциональный, семантический уровни? Это феномен отдельного произведения или проявление тенденции? Это постмодернистский литературный прием или явление, обусловленное системой функционирования чужой речи как особой лингвистической области с ее специфическими принципами организации?

Основная часть

В попытке ответить на вышеуказанные вопросы мы параллельно задействуем лингвистический и литературоведческий контексты понимания. В коммуникативной (третьей из перечисленных) концепции выделяются так называемые интерпретанты – особые значения, подчиняющиеся принципу относительности. Существуют три наиболее универсальные интерпретанты[3]:

[1] Водолазкин Е. Г. Лавр. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 54.
[2] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1979. – С. 14.
[3] Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – Москва: РГГУ, 2005. – С. 43–46.

1) *прагматическая интерпретанта*. Согласно ей чем ближе по содержанию позиции субъектов, тем выше проницаемость речевых автономий (происходит утрата маркеров чужой речи). Если же позиции субъектов далеки (они несогласны друг с другом, стремятся к размежеванию), то это обусловливает нарастание маркирования границ речевых автономий: границы своей и чужой речи начинают подчеркиваться с помощью кавычек и иных пунктуационных знаков, вводящих чужую речь компонентов и др.;

2) *референциальная интерпретанта*. Введение в текст чужой речи может сильнее ориентироваться на смысловую составляющую (доминанта предметной референции) либо на саму форму чужой речи с акцентированием внимания на ее стилистике, особенностях словоупотребления, границах чужого и своего (доминанта референции к форме высказывания). При этом смысловая доминанта провоцирует ослабление маркеров чужой речи, а формальная, наоборот, их усиление тем или иным способом;

3) *рецептивная интерпретанта*, связанная с характером адресации, устанавливающимся в речевом произведении. Здесь речь идет о моделировании адресата с помощью выбора способов функционирования чужой речи. Так, если адресат мыслится конкретно-персонифицированным (как в межличностной коммуникации), то маркирование границ чужого и своего ослабляется. Если же адресат представляется обобщенно-абстрактным (как, например, в СМИ или в научном дискурсе), то маркеры чужой речи усиливаются. Существует и феномен двойной адресации[1].

Реализация интерпретативных значений тесно связана со структурным принципом *обособленности* / *проницаемости* своей и чужой речевых автономий в едином текстовом пространстве. Тенденции к обособленности или к проницаемости границ своего и чужого, наблюдаемые в контексте, предопределяют функционирование знаков препинания, оформляющих чужую речь. На письме пунктуация чужой речи – это одно из главных средств выражения интерпретативных значений (наряду с вводными конструкциями, глаголами речи, частицами-ксенопоказателями и др.).

Почему же утрачиваются маркеры чужой речи в «Лавре»? Как этот роман можно понять, привлекая интегративный подход – на границе коммуникативной лингвистической концепции и литературоведческого анализа?

Сам предмет изображения диктует форму его представления в романе (реализация референциальной интерпретанты). Прежде всего отмена маркеров смены речевых автономий субъектов – это *способ приближения к средневековому способу письма, выражавшему религиозную картину мира.* Если рассматривать текст безотносительно к реалиям современности, с учетом особенностей исторической эпохи, то обнаруживается, что маркеры смены субъектов попросту *не введены*, поскольку в книжности XV в. их не было. Писатель (доктор филологии, специалист по древнерусской книжности) настойчиво демонстрирует нам это обстоятельство, вводя автометатекст уже в начальных фрагментах книги. Так, при обучении чтению Арсений обнаруживает сложность в том, что слова в средневековых книгах пишутся слитно.

[1] Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – Москва: РГГУ, 2005. – С. 54.

«А разве они произносятся порознь, спросил его в свою очередь Христофор». Старик указывает внуку на логическую нерасчлененность передачи речевого потока на письме, которая была обычна в Древней Руси. Однако он сразу же дает обоснование использованному (автором, конечно) приему. *«Я тебе больше скажу. Порой уже не существенно, как и кем слово сказано. Важно лишь то, что оно было сказано. На худой конец подумано»*[1]. Можно сказать, что в область референции чужой речи входит прежде всего предметно-содержательная ее соотнесенность. Утрата маркеров чужой речи обусловлена смысловой доминантой, и это приводит к структурной проницаемости различных речевых автономий.

Отказ от идеи собственности на слово выглядит таковым лишь с позиции нововременного сознания. В Древней Руси «ничейность» слова считалась само собой разумеющейся. Оппозиция «своего» и «чужого» была лишь относительно актуальна в контексте презумпции бытия как «Божьего»[2]. Воссоздавая мировосприятие средневекового человека, писатель прибегает к знакомым этому субъекту средствам выражения кругозора. Вопросы и ответы, актуальные для средневекового сознания, формулируются в приближенном к исконному виде. Таким образом, можно наблюдать, как в романе в целом преобразуется референциальная интерпретанта: доминанта предметно-смысловой референции обусловливает действие структурной тенденции к проницаемости речевых автономий – вплоть до их затруднительного различения (а иногда и неразличения).

Однако заметим, что это также является осуществлением идеи «самовитого слова», которая получила актуальность в русском модерне. «Слово как таковое» первично (относительно своих форм), оно субстанциально и само порождает формы. Письмо без знаков препинания и прочих маркеров границ высказываний в модерне и далее реализует интуицию первичности слова как такового.

Субъектный синкретизм как проявление близости позиций героев (реализация прагматической интерпретанты). Основные герои не наделены речевыми особенностями, их стилевая индивидуальность сглажена. По какой причине? Ведь известно, что уникальный речевой портрет персонажа – выражение его внутреннего мира и его индивидуализация за последние два века сформировали изощренную литературную традицию? Дело в том, что позиции основных героев (Лавр, Амброджо, Христофор, Устина) близки концептуально: все они заняты поиском религиозной Истины. Это общее сознание, которое рассредоточено по разным повествовательным субъектам[3].

Можно говорить о том, что утрата маркеров чужой речи выступает как способ осуществления субъектного синкретизма, заново открытого в модернистском худо-

[1] Водолазкин Е. Г. Лавр. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 39.

[2] Русская философия собственности (XVIII–XX вв.) / авторы-составители К. Исупов, И. Савкин. – Санкт-Петербург: СП «Ганза», 1993. – 512 с.

[3] Крупный философ XX в. является автором созвучного тезиса о том, что мышление не принадлежит единичному, пусть и гениальному человеку, а «существует вне людей, над людьми». – Щедровицкий Г. П. На Досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. – Москва: Школа Культурной Политики, 2004. – С. 26.

жественном письме. Философские и научные поиски начала XX в. весьма ощутимо склонялись в сторону религиозной картины мира (прежде свойственной Средневековью). Так, Борис Пастернак в своем творчестве вдохновлялся интуицией Сознания как первичной субстанции; похожим образом мыслил Велимир Хлебников[1] – и мы сейчас назвали только художников слова, хотя такая эпистема складывалась в культуре в целом.

Какое Сознание объемлет все случайные реплики многоголосого существования – вот философская проблема, вносящая единство в архитектонику романа. Она занимает и главного героя, и его ученого друга итальянца Амброджо, наделенного даром предвидения. Амброджо, воспитанный во Флорентиийском университете и потому склонный к гуманистическому философствованию, считает, что *«в совокупности случайностей есть своя закономерность <…> полностью ее знает лишь Тот, Кто все создал»*[2]. Главного же героя в разные периоды зовут Арсений – Устин – Амвросий – Лавр (юность – юродство – монашество – схима), и это другая сторона синкретизма, единство сущности в разных обличиях. Вопрос, который герой неизменно решает на протяжении всей своей жизни: как он, сменивший четыре имени и с ними проживший четыре, по видимости, различных отрезка существования, может соединить эти отрезки в единое целое. В последней части романа только что постриженный Лавр говорит старцу Иннокентию, что более не ощущает единства своей жизни: *«Жизнь напоминает мозаику и рассыпается на части»*[3]. Но вот что отвечает ему старец: *«Это только вблизи кажется, что у каждого отдельного камешка нет связи с другими. В каждом из них есть, Лавре, что-то более важное: устремленность к тому, кто глядит издалека. <…>И в мозаике жизни твоей есть то, что объединяет все отдельные ее части, – это устремленность к Нему. В Нем они вновь соберутся»*[4]. Таким образом, трактовка всеобъемлющего Сознания осуществляется в духе религиозной мысли[5].

Стилистика «Лавра» изобилует приемами постмодернистского письма. В этом отношении роман вписывается в ряд прозы конца XX – начала XXI в. Данные приемы особенно частотны во второй части романа – «Книге отречения», повествующей о юродстве Арсения – Устина во Пскове. Здесь они демонстративны и потому звучат иронично, как и полагается в постмодернистском дискурсе. Главный прием – цитаты, особенно раскавыченные (так называемые «реминисценции»). *Что в вымени тебе моем?*[6] – задается неизвестно кто вопросом, когда Устин питается от коровы в стойле. Псковитяне, говорит юродивый Фома, *ленивы и нелюбопытны*[7]. А русский

[1] Смирнов И. П. Психодиахронологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. – Москва: Новое литературное обозрение, 1994. – 352 с.

[2] Водолазкин Е. Г. Лавр. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 229.

[3] Там же. – С. 401.

[4] Там же. – С. 402.

[5] Кузнецов И. В. О старинной картине мира и новой текстуальности // Критика и семиотика. – 2018. – Вып. 2. – С. 395–414.

[6] Водолазкин Е. Г. Лавр. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 170.

[7] Там же. – С. 180.

человек вообще, по его же словам, *бессмыслен и беспощаден*[1]. Речь юродивого Фомы в этом отношении наиболее показательна: помимо цитат, она еще пестрит непристойностями. Связь с современностью на уровне языка не только сохраняется, но и целенаправленно поддерживается – по отношению к прагматически близким позициям тех авторов, с которыми цитатно, но «без кавычек» (в силу действия структурной тенденции к проницаемости своего и чужого слова) взаимодействует повествователь в «Лавре».

Реализация рецептивной интерпретанты: моделирование образа читателя. Если проанализировать процесс восприятия и понимания указанных особенностей «Лавра» читателем, то мы увидим, что сама техника чтения трансформируется относительно той, которая принята в современности. Прежде всего, замедляется темп чтения; при переходе к репликам диалога ритм становится сбивчивым: *кто это говорит: автор-повествователь? герой? кто именно из героев? это диалог или продолжение повествования?* Такими вопросами задается читатель, не видя ни привычного тире, вводящего реплику диалога, ни кавычек. Происходит дезавтоматизация чтения. Какой посыл посредством такого действия автор направляет читателю? На какого читателя он рассчитывает?

Способность к медленному чтению – примета высокого уровня читательской компетентности, необходимой для восприятия подлинно художественного текста[2]. Внимание к деталям, к стилю, к тонким смыслам – всего этого невозможно достичь скорочтением. Текстовый формат, требующий медленного чтения, разделяет массовую литературу, проглатываемую читателем-потребителем за два вечера, и литературу, которой нужна глубокая работа с нетривиальными смыслами. В Новое время (в противовес Средневековью), с появлением книгопечатания, на смену интенсивному чтению пришло экстенсивное: читатель «потребляет множество разнообразных печатных текстов, читает их быстро и жадно и подходит к ним критически»[3]. Почувствовать неторопливый средневековый темпоритм – в этом смысл затрудненности чтения, которую мы испытываем из-за постоянных остановок, указанных выше пауз. Замедлять чтение можно разными способами, и в данном случае эту функцию выполняет прием устранения пунктуационных маркеров чужой речи.

В Средневековье книги читались медленно: *«Берестяные грамоты дитя читало вслух. В Средневековье вообще читали преимущественно вслух, на худой конец просто шевелили губами»*[4]. Автор моделирует устность слова (лишенную знаков препинания) и самого читателя, произносящего речь вслух. Текст приближает нас к ситуации произнесения, устного проговаривания. Это особенно важно в общем контексте противопоставления устного и письменного слова, актуализированном в концепции «Лавра». *«Христофор писал не потому, что боялся что-либо позабыть. Даже достигнув старости, он не забывал ничего. Ему казалось, что слово записанное упоря-*

[1] Водолазкин Е. Г. Лавр. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 194.

[2] Фуксон Л. Ю. Чтение. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – С. 202–221.

[3] Шартье Р. Письменная культура и общество. – Москва: Новое издательство, 2006. – С. 31.

[4] Водолазкин Е. Г. Лавр. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 41.

дочивает мир. Останавливает его текучесть. Не позволяет понятиям размываться. <…> Христофор понимал, что написанное слово останется таковым навсегда. Что бы ни случилось впоследствии, будучи записанным, это слово уже состоялось»[1]. Подобные комментарии для читателя служат ориентиром в мире слова и представлений о нем, которые разрабатываются в романе.

Как уже говорилось ранее, прием утраты вводящего прямую речь тире (и других маркеров чужой речи) актуализирует для читающего слово как таковое. Через само действие чтения текста, не размеченного внешне на диалоги, автор проявляет своего рода доверие к читателю: надежду, что он сможет разобраться в замысле, следами которого являются средства художественной формы. Организация такого читательского процесса, реализующего принцип замедления чтения, не дает пройти мимо художественных деталей, «точек удивления» (ими насыщен текст «Лавра»).

Добавим, что наряду с субъектным синкретизмом в «Лавре» представлен и синкретизм адресации. Это проявляется прежде всего в единстве реальной и виртуальной адресации, когда реплика главного героя предназначена не только для другого персонажа, присутствующего в ситуации, и не только для читателя, а в первую очередь для Устины, в трех последних книгах являющейся сквозным виртуальным адресатом, иногда единственным и поданным как в высшей степени реальный субъект-собеседник. Приведем пример из эпизода, где польский купец говорит с сильным акцентом, так что «некоторые его слова разобрать удавалось с трудом»: *«Речь говорящих уже не так надежна, как в начале нашего путешествия, сказал Арсений Устине, ложась на лавку. Слова теперь все более и более зыбки. Кое-какие ускользают, не будучи опознанными. Честно говоря, любовь моя, это меня немного тревожит»*[2].

Выводы

Проблема управления речевыми автономиями текста, точками зрения, реальными и виртуальными голосами персонажей актуальна для произведений разных эпох. В структурно-семантическом аспекте, исходящем из синтаксиса предложения, анализировать процесс организации речевых автономий текстов разных эпох непросто. Данный факт отмечал уже и Г. М. Чумаков, говоря о текстовом характере функционирования чужой речи, выходящем за пределы синтаксиса предложения[3]. Это сложно делать и с позиции функционального подхода, описывающего устройство поля эвиденциальности и функции единиц разных уровней (главным образом морфологических и синтаксических) в пределах синтаксиса предложения. Ни с той, ни с другой позиций никак не объяснить законы функционирования чужой речи в романе Е. Водолазкина, поскольку оба подхода, во-первых, проявляются в пределах синтаксиса предложения, во-вторых, исходят все-таки из статического принципа «содержательной формы».

[1] Водолазкин Е. Г. Лавр. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. – С. 40.

[2] Там же. – С. 277.

[3] Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. – Киев: Вища школа, 1975. – С. 55.

Похоже, объяснить утрату и обретение маркеров чужой речи удается только благодаря модели динамического описания, базирующейся на текстовом характере функционирования чужой речи, а также на интегративном подходе к изучению новых явлений в художественном тексте. При этом главными положениями коммуникативной концепции служат следующие:

1) принцип обособленности / проницаемости своего и чужого в разных фрагментах системы чужой речи, взятых в динамике коммуникативного контекста и условий функционирования;

2) система интерпретант – универсальных значений, проявляющихся не у отдельной формы, а у отношений тех или иных форм чужой речи;

3) соотнесенность структурной тенденции к обособленности / проницаемости и одного из трех интерпретативных значений, универсальный характер которых конкретизируется в специфических условиях текста, ситуации, авторской поэтики.

В заключение отметим, что уникальное функционирование способов передачи чужой речи в «Лавре» преобразует представление о бытовании отношений «свое – чужое» в синхронии и диахронии. Так, можно увидеть определенные периоды оформления чужой речи – с точки зрения обретения / утраты маркирования ее границ.

Древние тексты, с их отсутствием знаков препинания, невыделенностью предложения, слова, аморфностью грамматики, синтаксическим синкретизмом, представляют собой особый период, когда управление речевыми автономиями еще не обрело своей актуальности и полноценных механизмов. Как известно, отсутствие кавычек, знаков диалога (абзацирование, тире), как наиболее поздних в истории пунктуации, а также отсутствие системы форм чужой речи – все это характеризует архаичный текст, где лишь постепенно намечается маркирование границ своего и чужого слова.

Все дальнейшие шаги в истории русской письменности – путь обретения маркеров чужой речи, выработки способов управления отношениями «свое – чужое» в плане организации взаимодействия речевых автономий. К XVIII в. такая система уже складывается. Это прежде всего функционирование в тексте прямой речи наряду с косвенной и тематической. Становление данной системы шло в направлении от более проницаемых форм чужой речи к формам с выраженной обособленностью своего и чужого: тематическая – косвенная – прямая речь. Постепенное развитие практики их употребления и метаописания грамматик (в том числе пунктуационные правила постановки кавычек, тире при оформлении диалога) свидетельствуют об укорененности способов маркирования чужой речи и известной свободе в их использовании.

Однако язык таков, что за освоением и обретением норм, как правило, следует их намеренная, обусловленная новыми коммуникативными потребностями деконструкция, смыслообразное изменение. Это и произошло в следующий период. В XIX в., прежде всего в прозе (в поэзии тоже, но в меньшей степени), возникает фе-

номен несобственно-прямой речи, связанный с тенденцией к проницаемости своего и чужого, интереференции речевых автономий и утрате маркеров чужой речи[1].

В начале XX в. в прозе модерна оформляется новое явление – свободный косвенный дискурс, еще более усиливающий тенденции интерференции речевых автономий и утраты маркеров чужой речи. Это еще один период в истории функционирования чужой речи, когда наряду с речевыми автономиями персонажей, автора, повествователя актуализируется и читательская речевая автономия.

Таким образом, в ходе развития русского литературного языка письменная речь вырабатывает новые явления в сфере управления речевыми автономиями текста, характеризующиеся преодолением прежних норм в сфере оформления чужой речи. Новизна связана с утратой отчетливого маркирования чужой речи. Это возможно только в том случае, если обретение форм чужой речи состоялось в полной мере, а нормы передачи прямой, косвенной речи, диалога сложились и отработались в широкой практике речепроизводства. На этой основе и формируется своего рода *постнорма* – прием, свойственный не только художественному тексту, но и осуществлению речемыслительного произведения в целом: несобственно-авторская речь, а затем свободный косвенный дискурс.

В этом контексте видно, что изобретательность в подаче чужой речи, представленная в «Лавре», находится в русле новейших тенденций развития литературного языка. Однако смыслы, как мы видели, весьма неординарны. Они и суммируют идеи модерна о самовитом слове, и развивают приемы постмодерна, и обладают своей собственной эвристичностью.

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1979. – 424 с.

Водолазкин Е. Г. Лавр. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. – 440 с.

Ильенко С. Г. Стилистические и синтаксические аспекты диалогичности // Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – С. 386–388.

Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.

Кузнецов И. В. О старинной картине мира и новой текстуальности // Критика и семиотика. – 2018. – Вып. 2. – С. 395–414.

Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – Москва: РГГУ, 2005. – 316 с.

Максимова Н. В., Кузнецов И. В. Обособленность / проницаемость речевых автономий текста как его типологический признак // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 110–123.

Русская философия собственности (XVIII–XX вв.) / авторы-составители К. Исупов, И. Савкин. – Санкт-Петербург: СП «Ганза», 1993. – 512 с.

Смирнов И. П. Психодиахронологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. – Москва: Новое литературное обозрение, 1994. – 352 с.

[1] Максимова Н. В., Кузнецов И. В. Обособленность / проницаемость речевых автономий текста как его типологический признак // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 110–123.

Фуксон Л. Ю. Чтение. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – 266 с.

Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. – Киев: Вища школа, 1975. – 220 с.

Шартье Р. Письменная культура и общество. – Москва: Новое издательство, 2006. – 272 с.

Щедровицкий Г. П. На Досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. – Москва: Школа Культурной Политики, 2004. – 195 с.

References

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.

Vodolazkin E. G. *Lavr* [Laurus]. Moscow: AST; Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2016. 440 p.

Il'enko S. G. Stilisticheskie i sintaksicheskie aspekty dialogichnosti [Stylistic and syntactic aspects of dialogueness]. *Il'enko S. G. Rusistika. Izbrannye Trudy* [Ilyenko S. G. Rusistics. Selected works]. St Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2003, pp. 386–388.

Kozintseva N. A. Kategoriia evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [Evidentiality category (typological analysis problems)]. *Voprosy iazykoznaniia* [Topics in the study of language], 1994, no. 3, pp. 92–104.

Kuznetsov I. V. O starinnoi kartine mira i novoi tekstual'nosti [About ancient mental picture and new textuality]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2018, iss. 2, pp. 395–414.

Maksimova N. V. "*Chuzhaia rech'" kak kommunikativnaia strategiia* [Speech of others as a communicative strategy]. Moscow: RGGU, 2005. 316 p.

Maksimova N. V., Kuznetsov I. V. Obosoblennost' / pronitsaemost' rechevykh avtonomii teksta kak ego tipologicheskii priznak [Isolation / permeability of speech autonomies of the text as its typological sign]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2007, no. 2, pp. 110–123.

Russkaia filosofiia sobstvennosti (XVIII–XX vv.) [Russian philosophy of property (XVIII–XX centuries); compiled by K. Isupov, I. Savkin]. St Petersburg: SP "Ganza", 1993. 512 p.

Smirnov I. P. *Psikhodiakhronologika: Psikhoistoriia russkoi literatury ot romantizma do nashikh dnei* [Psychodiachronology: Psychohistory of Russian literature from romanticism to the present day]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1994. 352 p.

Fukson L. Iu. *Chtenie* [Reading]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007. 266 p.

Chumakov G. M. *Sintaksis konstruktsii s chuzhoi rech'iu* [Syntax of constructions with the speech of others]. Kiev: Vishcha shkola, 1975. 220 p.

Shart'e R. *Pis'mennaia kul'tura i obshchestvo* [Written culture and society]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 272 p.

Shchedrovitskii G. P. *Na Doskakh. Publichnye lektsii po filosofii G. P. Shchedrovitskogo* [On boards: Public lectures on Philosophy by G.P. Shchedrovitsky]. Moscow: Shkola Kul'turnoi Politiki, 2004. 195 p.

Для цитирования: *Кузнецов И. В., Максимова Н. В.* Речевые автономии текста: обретение и утрата маркирования // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 2 (101). – С. 59–70. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-2-101-5

For citation: Kuznetsov I. V., Maksimova N. V. Speech autonomies of the text: gaining and losing marking. *Cherepovets State University Bulletin*, 2021, no. 2 (101), pp. 59–70. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-2-101-5

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Сведения об авторах

Илья Владимирович Кузнецов / Ilya V. Kuznetsov	Доктор филологических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-9629-4012, eliah2001@mail.ru, Новосибирский государственный театральный институт (д. 6, ул. Революции, 630099 г. Новосибирск, Россия) / Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0001-9629-4012, eliah2001@mail.ru, Novosibirsk State Theatre Institute (6, ul. Revolyutsii, 630099 Novosibirsk, Russia).
Наталия Викторовна Максимова / Natalia V. Maksimova	Доктор филологических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-6312-7824, maksimova1@mail.ru, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (д. 2, пр-т Красный, 630007 Новосибирск, Россия) / Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0001-6312-7824, maksimova1@mail.ru, The Novosibirsk Teachers' Professional Re-Training Institute (2, Krasnyy pr, 630007 Novosibirsk, Russia).

Статья поступила в редакцию 02.02.2021; одобрена после рецензирования 24.02.2021; принята к публикации 10.03.2021.

The article was submitted 02.02.2021; approved after reviewing 24.02.2021; accepted for publication 10.03.2021.